

УДК 339

Дударь Л.А.

Растраты и хищения в дальневосточной торговле (30-е – начало 40-х годов XX века)

The wastes and plunders in Far East trade (30s – beginning 40s of XX century)

В статье характеризуются причины роста имущественных преступлений в государственной и кооперативной торговле Дальнего Востока в предвоенное десятилетие, методы, применяемые властными структурами различного уровня, направленные на искоренение растрат и хищений, а также степень их эффективности. Выводы автора основаны на анализе большого количества архивных документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: правонарушения и преступления в торговле, растраты и хищения в торговле, дальневосточная торговля, противодействие криминальной деятельности в сфере торговли, объемы хищений и растрат в сфере торговли, статистика хищений и растрат в торговле.

In clause the reasons of growth of property crimes in state and cooperative trade of the Far East per one decade before war, methods used by imperous structures of a various level, directed on liquidation of practice of wastes and plunders, and as a degree of their efficiency are characterized. The conclusions of the author are based on the analysis of a plenty of the archival documents, majority from which for the first time to be entered into a scientific revolution.

Key words: offences and crimes in trade, waste and plunder in trade, the Far East trade, counteraction of criminal activity in sphere of trade, volumes of plunders and wastes in sphere of trade, statistics of plunders and wastes in trade.

С проблемой роста различного рода правонарушений и преступлений в государственной и кооперативной торговле Дальнего Востока государство столкнулось практически с начала становления здесь обобщественного сектора этой отрасли экономики. В 20-е годы наряду с уголовным наказанием растратчиков и расхитителей стали проводиться профилактические мероприятия, к числу которых относилась организация ревизионных комиссий. Властив центре и на местах считали, что достаточно добиться правильной постановки их работы и ответственного отношения к своим обязанностям их членов, чтобы искоренить это зло [3, с. 3]. Растраты и хищения рассматривались не иначе, как пережитки старого строя, преходящее явление, чуждое советской кооперации и государственной торговле. Однако по мере становления обобщественного сектора дальневосточной торговли число случаев растрат не сокраща-

лось, а росло.

Введение в конце 20-х годов карточной системы распределения сопровождалось дальнейшим ростом подобных преступлений. Так, в системе потребительской кооперации Дальневосточного края (ДВК) растраты и хищения в 1932 г. составили 1966.5 тыс. руб., или 0.58% общего ее товарооборота. Всего было выявлено 1296 подобных случаев. Большая часть их – 1128.8 тыс. руб., осталась непокрытой (ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 3. Л. 11.).

Расширенный Пленум Дальневосточного краевого союза потребительских обществ (ДКС), проходивший в октябре 1935 г. в Хабаровске, решил для борьбы с растратами и хищениями создать при каждом облпотребсоюзе институт участковых инструкторов. Всего их было 37 человек, и они были распределены по облпотребсоюзам ДВК. В их компетенцию входили разбирательства по фактам растрат в сумме до 1 тыс. руб. При растратах свыше 1 тыс. руб. на место командировались председатели ОПС или его заместители, а свыше 5 тыс. руб. – член президиума ДКС [2, с. 11-12].

В первой половине 30-х годов наиболее часто растраты и хищения наблюдались в закрытых рабочих кооперативах (ЗРК) новостроек Дальнего Востока (ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 3. Л. 11.). Но подобные случаи были характерны не только для системы потребительской кооперации. Ряд крупных судебных процессов по делам растрат и хищений состоялся в ДВК и в отношении служащих государственной торговли – дело ГОР-Та, Хлопкосбыта, Благовещенской конторы промторга и т.д. Только за 5 месяцев 1934 г. было отмечено 675 случаев привлечения служащих госторговли и кооперации к ответственности за подобные преступления [1, с. 22]. Одна из крупных государственных торгующих организаций региона Дальторг в 1935 г. имела 932.5 тыс. руб. растрат, из которых было погашено лишь 185.1 тыс. руб. (ГАПК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 51. Л. 10.).

В период существования карточной системы распределения с 1929 по 1934 гг. возросло количество хищений продовольственных и промышленных товаров работниками торговли. Во всех изученных нами уголовных делах Приморского областного суда наряду с растратами денежных сумм фигурируют факты расхищения товаров. Например, приговоренная в 1933 г. к 4 годам лишения свободы с конфискацией имущества бывшая заведующая отделением № 9 ВОДТПО, обслуживавшего грузчиков Владивостокского торгового порта, Порошина систематически брала бесплатно хлеб и другие продукты, а также промтовары: 5 мужских рубашек, 2 пары дамских туфель, несколько пар чулок, 2 кашне, несколько пар носков. Кроме того у нее была обнаружена растрата в сумме 1698 руб. (ГАПК. Ф. 352. Ф. 1. Ф. 48. Л. 39.). Ее «коллега» Зайцев, будучи заведующим столовой закрытого военного кооператива (ЗВК) № 5 г. Спасска-Дальнего, систематически расхищал продукты, предназначенные для питания начсостава дивизии ОГПУ. В течение 2 месяцев он брал из столовой бесплатно обеды, ужины и завтраки для 3 членов своей семьи. На суде признал, что взял также бесплатно 2 кг маргарина, 8 кг повидла, 10 кг меда, 5 кг печенья и часто брал по несколько яблок, хотя свидетели назвали гораздо большее количество расхищенных им продуктов. Наряду с этим Зайцев производил незаконные наценки на продукты, продаваемые через буфет, подделывал документы. Получая при этом продуктов больше положенного, он обменивал или сбывал их и присваивал деньги. Общая сумма недостачи от его преступной деятельности была определена в сумме 2137 руб. Зайцев был приговорен к расстрелу, но затем решением вышестоящей судебной инстанции – к 10 годам лишения свободы (ГАПК. Ф. 352. Ф. 1. Ф. 33. Л. 26-30, 49.).

Изученные нами источники содержат весьма скудные сведения о

растратчиках и расхитителях. Еще меньше данных о привлечении их к ответственности. В числе немногих сведения подобного рода удалось найти в отчете Дальторга, из которого следует, что в 1935 г. в этой торгующей организации было привлечено к ответственности за растраты 363 человека, в том числе 1 руководитель предприятия, 2 кассира и 360 продавцов. Эти цифры, как и данные других источников, позволяют заключить, что чаще всего «попадались» на растратах и хищениях рядовые работники прилавка. Они же составляли большую часть привлеченных к судебной ответственности.

Рост количества выявленных случаев растрат и хищений в торговле значительно превышал по темпам и масштабам количество рассматриваемых судебными органами уголовных дел и вынесенных по ним приговоров. Из 363 растратчиков Дальторга 133 чел. было решено не привлекать к судебной ответственности. В 1935 г. было возбуждено только 84 уголовных дела, 18 человек по ним были осуждены 2 оправданы. Рассмотрение же остальных дел затянулось (**ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 51. Л. 10 об.**). Как правило, за подобные преступления сроки наказания были невелики, что подтверждают данные следующей таблицы:

Таблица 1

**Меры наказания за растраты и хищения, определенные
Амурским областным судом в 1935 – 1936 гг.**

Год	Исправительно-трудовые работы	Лишение свободы 1-3 г.	Лишение свободы 3-5 лет	Лишение свободы 5-10 лет	Лишение свободы 10 лет	Условное наказание
1935	60 чел.	101 чел.	25 чел.	8 чел.	2 чел.	7 чел.
1936	28 чел.	112 чел.	71 чел.	23 чел.	3 чел.	2 чел.

Таблица составлена на основе источника: **ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 7а. Л. 5.**

При этом нанесенный государству растратами ущерб в Амурской области составил в 1935 г. – 281793 руб., а в 1936 г. – 400879 руб. (**ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 7а. Л. 5.**)

После отмены карточной системы тенденция роста числа растрат сохранилась. Во второй половине 30-х годов возрос и удельный вес растрат в товарообороте торгующих организаций. Так, во Владивостокском отделении Союзпродмаг НКТ СССР растраты и хищения в 1936 г. составили 274.4 тыс. руб. (0.18% от оборота), а в 1937 г. – 1147 тыс. руб. (0.72%). За 1937 г. было взыскано всего 68 тыс. руб., списано за отказом суда 24 тыс. руб. и за безнадежностью – 285 тыс. руб. К уголовной ответственности было привлечено 78 человек, из которых 20 осуждено и 15 оправдано. Нерассмотренными в 1937 г. остались 73 дела (**ГАПК. Ф. 337. Ф. 1. Ф. 3. Л. 14.**)

Большинство расхитителей было осуждено по статье 58-7 УК РСФСР, по Закону от 7 августа 1932 г. Как можно заключить из материалов следственных дел Приморского областного суда, подавляющее большинство подсудимых было выходцами из крестьян. Считавшиеся «социально-близкими» режиму, они приговаривались к различным срокам наказания без поражения в правах. Другой категорией осужденных растратчиков были так называемые «классово-чуждые элементы». К ним относились бывшие владельцы или служащие частных торговых предприятий, бывшие белогвардейцы, кулаки и т.д. Для них определялось более суровое наказание.

Например, в ходе следствия по делу о растратах и хищениях в ларьке одного из участков Дальстройпути было установлено, что один из обвиняемых – заведующий ларьком Алексеев, в прошлом был вовсе не крестьянином-батраком, как он ранее сообщил о своем социальном происхождении. Его настоящая фамилия Серебряков, с детства он служил мальчиком, а затем приказчиком в крупной частной торговой фирме, потом завел свое кустарное производство. Суд признал его классовым врагом, «проникшим в рабочий кооператив для подрыва социалистического строительства» и приговорил к расстрелу с конфискацией имущества. Судебно-кассационная коллегия Верховного Суда СССР заменила расстрел 10 годами концлагеря с конфискацией имущества (**ГАПК. Ф. 352. Ф. 1. Ф. 21. Л. 90-98.**). При этом остальные четверо, проходившие по этому делу, были наказаны менее сурово – 3 чел. оправданы, 1 осужден на 10 лет без поражения в правах, но впоследствии и этот приговор был смягчен.

В многочисленных отчетах, выступлениях на различных заседаниях, в публикациях 30-х годов растратчики и расхитители были представлены как «отдельные несознательные элементы», несмотря на то, что постоянно констатировался рост числа этих «элементов» среди работников торговли. Небезынтересным является и тот факт, что довольно многие из них были членами комсомольских и партийных организаций. По данным Амурского облсуда, среди 203 осужденных за 9 месяцев 1935 г. было 7 членов ВКП (б) и 12 членов ВЛКСМ, а среди 239 осужденных за 9 месяцев 1936 г., соответственно, 2 и 11 человек (**ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 7а. Л. 5.**).

Процесс взыскания торгующими организациями растраченных сумм часто был длительным и далеко не всегда успешным для них, даже если он проходил с привлечением судебно-следственных органов. Часто сами торгующие организации несвоевременно оформляли дела о растратах и хищениях и передавали их в суд. Только в Приморском облпотребсоюзе за период 1936-1939 гг. из 400 заведенных дел о растратах не переданными в судебно-следственные органы оказались 77 дел (**ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 55.**). Основной причиной этого было отсутствие в отделе кадров анкетных данных на растратчиков и необходимых документальных материалов, доказывающих хищение. Расхитители часто скрывались, порой прихватив документы из отдела кадров, а судебно-следственные органы отказывались принимать к производству дела, если не было установлено местожительство виновных.

Не простым делом было и взыскание растраченных сумм, уже при осужденных судом. Широко распространилась практика составления судебными исполнителями актов о несостоятельности растратчиков, в результате чего торгующим организациям так и не удавалось получить свои деньги (**ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 44.**). В 1938 г. 24 бывших работника Владивостокского Горпищеторга, растративших 170 тыс. руб., сбежало после того, как дела были переданы в суд, но рассмотрение их сильно затянулось (**ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 11. Л. 4.**).

Случалось, что прокуратура теряла дела по данным преступлениям. К примеру, в декабре 1940 г. райпрокурор Шкотовского района Веденеев выдал Уссурийскому рыбокоопу официальную справку об утере 2 дел о растратах на сумму 12329 руб. и предложил Приморскому крайрыболовпотребсоюзу (КРПС) списать эту сумму «за безнадежностью». Прокуратурой Хасанского района было утеряно в 1940 г. 20 дел на общую сумму 113315 руб., а прокуратурой Буденовского района – 10 дел на 15024 руб. (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 30. Л. 108.**).

Большое количество недостач и растрат, выявленных и не взысканных своевременно, числилось у торгующих организаций на протяжении

нескольких лет. Так, в системе Приморского КРСП на 1 января 1940 г. эти, так называемые, переходящие суммы составили 2457 тыс. руб., из которых 1196 тыс. руб. было выявлено еще в 1937 г., в т.ч. 196 тыс. руб. числилось за бывшими работниками рыболовецкой потребкооперации корейской национальности, принудительно выселенными из Приморья. Попытка руководства Приморского КРСП узнать в органах НКВД о местожительстве корейцев-растратчиков, чтобы подать дела в суд, не принесла положительных результатов. Был получен категорический отказ (ГАПК. Ф. 269. Ф. 1. Ф. 36. Л. 8.). Таким образом, сумма 196 тыс. руб. оказалась для возмещения явно безнадежной, так же как и все растраты, числившиеся за торговыми работниками, репрессированными в конце 30-х годов. Например, в 1938 г. органами НКВД был арестован председатель Комиссаровского сельпо Т.Ф. Ткач, за которым числилась растрата 2626 руб. Приморский КРСП попытался получить в прокуратуре какие-либо сведения о нем, чтобы взыскать эту сумму, но безрезультатно (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 38.).

Огромные убытки от растрат и хищений, особенно в системе потребкооперации (в 1937 г. 325 млн. руб. в целом по стране (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 8.)) заставили руководство страны серьезно обеспокоиться. Ситуация уже вышла далеко за рамки «отдельных случаев», явление приобрело массовый характер. В 1938 г. в 20-ти торгующих организациях Дальнего Востока было выявлено растрат на общую сумму 16 млн. 581 тыс. руб. (Подсчитано на основе источников: ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 11. Л. 5; ГАПК. Ф. 337. Ф. 1. Ф. 17. Л. 62; ГАПК. Ф. 621. Ф. 5. Ф. 18. Л. 121; ГАПК. Ф. 269. Ф. 1. Ф. 36. Л. 8; ГАХК. Ф. 1742. Ф. 1. Ф. 17. Л. 3; ГАО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 11. Л. 9; ГАО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 13. Л. 38.). В том числе, в потребкооперации Дальнего Востока в 1938 г. растраты и хищения достигли суммы 9 млн. 340.9 тыс. руб., увеличившись по сравнению с 1932 г. на 375% (Подсчитано на основе источников: ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 3. Л. 11; ГАХК. Ф. 1742. Ф. 1. Ф. 17. Л. 3.; ГАПК. Ф. 620. Ф. 5. Ф. 18. Л. 121; ГАПК. Ф. 269. Ф. 1. Ф. 1. Л. 10.). 25 января 1939 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе потребительской кооперации», в котором вопросу борьбы с растратами и хищениями уделено большое внимание. Вслед за этим 11 февраля 1939 г. Президиум Центросоюза СССР принял постановление «О мероприятиях по усилению борьбы за ликвидацию растрат и хищений в системе потребительской кооперации». В соответствии с этими документами прокуратурой и НКЮ СССР издана специальная инструкция «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации» от 28 февраля 1939 г. (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 3,8,10.). На местах был усилен политический контроль за исполнением этих директив. 3 апреля 1939 г. бюро Приморского обкома ВКП (б) приняло постановление «О борьбе с растратами и хищениями в торгующих организациях – Горпищеторга, Вонторга ТОФ и Облпотребсоюза» (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 11. Л. 4-6.).

14 июля 1939 г. вышло еще одно постановление Президиума Центросоюза СССР «О борьбе за ликвидацию растрат и хищений в системе потребительской кооперации» (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 10.). Из различных отчетов и информационных справок торгующих организаций, направленных в вышестоящие органы, прокуратуру и НКВД, можно заключить, что перечисленные постановления не помогли существенно изменить ситуацию, хотя и заставили торгующие организации активизировать борьбу с растратами и хищениями. Была упорядочена работа отделов кадров. В 30-е годы недостаток торговых кадров был одной из причин того, что на работу принимались все, кто подавал заявления. Типичны были случаи, когда на материально-ответственные должности

принимались лица, имевшие ранее растраты и хищения, или не увольнялись те, у кого они были выявлены на данном месте работы. С 1939 г. на всех вновь поступавших на работу в торговлю заводились личные дела, в паспорте делалась отметка о работе в данной организации. С января 1939 г. обязательным условием приема на работу стало наличие трудовой книжки. С материально-ответственными лицами заключались договоры об имущественной ответственности. Увольнялись люди, имевшие ранее растраты и судимости. Но этот процесс шел медленно. В системе потребкооперации Дальнего Востока отделы кадров за год, к 1 января 1941 г., так и не закончили эту работу (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 47-50.).

Определенную роль в борьбе с растратами и хищениями сыграли спецотделы, существовавшие в 30-е годы в каждой торгующей организации наряду с другими подразделениями. В них хранились анкетные листы, автобиографии, характеристики на всех работников. Иногда спецотделам удавалось выявлять жуликов, пытавшихся скрыться от наказания за совершенные ранее преступления и устраивавшихся на материально-ответственные должности путем подлога или подделки документов. Например, в ходе длительной переписки между Центросоюзом, начальником Приморского областного управления НКВД и начальником спецотдела ОПС было установлено, что принятый в 1937 г. на должность главного бухгалтера базы Приморского ОПС Ф. Е. Пчелинский, приехавший из г. Сталинабада с документами, по которым он значился уволенным по собственному желанию, на самом деле скрылся с прежнего места работы, где он вместе с сообщниками присвоил 16158 руб. (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 10. Л. 5.).

Во второй половине 30-х годов спецотделы начали посылать запросы на прежние места работы вновь принимавшихся в их торгующие организации работников. В ходе такой переписки тоже удавалось обнаружить бывших растратчиков, не допустить их принятия на материально-ответственные должности, уволить, если они все-таки были приняты, или добиться взыскания растроченных сумм с уже уволенных. Так, спецотдел Приморского ОПС смог разыскать и передать дело в суд на уволенных в 1936 г. с безобидной формулировкой «по ликвидации» из ЗРК ТОФ И.Г. Гуськова и Б.А. Ковалева, за которыми числились растраты в сумме 3415 руб. и 30 тыс. руб. соответственно (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 8. Л. 52-55.).

Однако подобных фактов встречается немного. Анализ доступных документов позволяет заключить, что основной задачей спецотделов была не борьба с растратами и хищениями, а контроль за секретностью делопроизводства и выявление политически неблагонадежных, с точки зрения режима, работников торговли. Гораздо чаще спецотделы ставили перед руководством торгующих организаций вопрос об увольнении работника не за воровство, а за то, что он не участвовал в общественной работе, не являлся членом профсоюза, был в прошлом исключен из партии или комсомола; за малейшее подозрение, что он мог служить в белой армии, а то и просто за то, что на основании анкетных данных было «не ясно его социальное лицо» или оно представлялось «весьма сомнительным» (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 8. Л. 30-31.).

В 30-е годы шло становление системы ревизионного контроля в торгующих организациях Дальнего Востока, которой была отведена основная роль в борьбе с растратами и хищениями. Но инвентаризации, частичные и полные документальные ревизии проводились в этот период редко. Так, в 1940 г. в Приморском КПС из 138 сельпо ревизии были проведены лишь в 68, 46 из которых были полными и 22 частичными (ГАПК. Ф. 621. Ф. 5. Ф. 18. Л. 115.). Внезапных ревизий почти не было.

Главной причиной плохой организации ревизионного контроля был острый недостаток квалифицированных ревизоров. Например, в Хабаровском КПС в 1939 г. из 24 необходимых по штату ревизоров работало только 16 (**ГАХК. Ф. 1742. Ф. 1. Ф. 11. Ф. 15.**). С целью частичного решения проблемы с ревизорскими кадрами на Дальнем Востоке открывались краткосрочные курсы-семинары. Однако уровень подготовки ими специалистов был не высоким. Основное внимание на них уделялось не профессиональной, а идейно-политической подготовке слушателей. Так, председатели контрольно-ревизионных комиссий сельпо Приморского ОПС во второй половине 30-х годов готовились по программе, рассчитанной на 31 час занятий. Из них 11 часов отводилось изучению выступлений Сталина на съездах и пленумах, а также постановлений партии и правительства (**ГАПК. Ф. 620. Ф. 1. Ф. 3. Л. 65.**).

В начале 40-х годов к борьбе с растратами и хищениями в сфере торговли подключились советские органы. В феврале 1941 г. Приморский крайисполком рассмотрел вопрос о положении дел с растратами в государственной и кооперативной торговле края. К этому побудило то обстоятельство, что на 1 января 1940 г. по всем торговым предприятиям края числилось не взысканных растрат на 10 млн. 440 тыс. руб., а в течение 1940 г. было выявлено еще 7 млн. 462 тыс. руб., из которых большая часть осталась не взысканной. Среди организаций с большим числом растрат исполком выделил Крайрыболовпотребсоюз, Военторг КА, Военторг ТОФ, Примторг, Когиз (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 2. Л. 47.**). Хабаровский крайисполком также неоднократно рассматривал на своих заседаниях проблему ростарастрат, но перелома в ее разрешении добиться не смог. За первый квартал 1941 г. количество растрат, например, в рыболовецкой потребкооперации Приморского и Хабаровского краев еще увеличилось, а взыскание через судебно-следственные органы шло по-прежнему чрезвычайно медленными темпами. Уговоры и доказательства инструкторов системы РПС при обращении их в следственные органы по вопросам об ускорении сроков разбора дел большого успеха не имели.

Местными органами власти и ведомственным руководством положение дел с растратами и хищениями в дальневосточной рыболовецкой потребительской кооперации расценивалось как угрожающее. Данные источников свидетельствуют об объективности этой оценки: в конце 1940 г. общая сумма растрат в Камчатском, Охото-Аянском, Николаевском-на-Амуре, Хабаровском и Приморском РПС составляла 7 млн. 946 тыс. руб. (Подсчитано на основе источника: **ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 13. Л. 98.**). Руководство Рыболовсекции Центросоюза СССР и РСФСР 5 мая 1941 г. приняло специальное постановление, которое обязывало Владивостокское Отделение Центросоюза «добиться в Хабаровских и Приморских директивных организациях командирования в объединяемые Отделением РПС бригады прокуратуры для активизации борьбы с растратами и хищениями» (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 13. Л. 99.**). На основании этого управляющий Владивостокского отделения Рыболовсекции Гитлин направил письма краевым прокурорам Хабаровского и Приморского краев, а также секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 13. Л. 98-100.**), где изложил суть сложившейся ситуации и попросил командировать в РПС бригады прокуратуры. Все документы датированы 4 июня 1941 г. О результатах всех этих усилий сведений в источниках найти не удалось. Наиболее вероятно, что начало войны не позволило довести это дело до логического конца.

В целом рост числа растрат и хищений, а также других имущественных преступлений в сфере внутренней торговли Дальнего Востока в предвоенное десятилетие был показателем усиления негативных тен-

денций в советской распределительной системе и зарождения уже в 30-е годы элементов «теневой экономики», которая впоследствии разрослась до значительных масштабов.

Литература

1. Вейс А. Советская торговля в ДВК // Тихоокеанский коммунист. 1934. № 2-3.
2. Решения расширенного Пленума Далькрайсоюза 21-24 октября 1935 г. Хабаровск, 1935.
3. Тихоокеанская звезда. 1926. 16 июля.